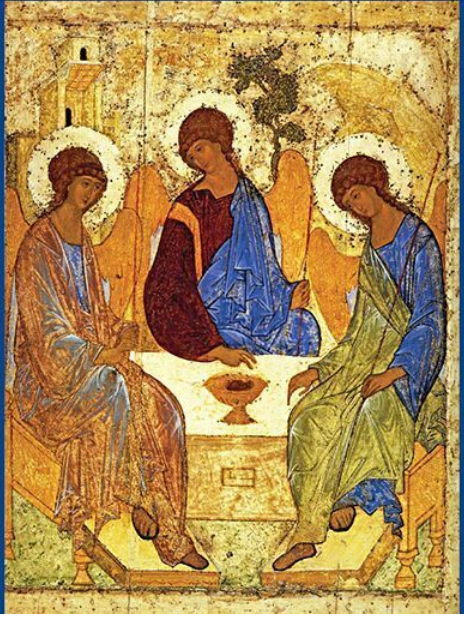
СХИАРХИМАНДРИТ ГАВРИИЛ (БУНГЕ)

ДРУГОЙ УТЕШИТЕЛЬ

ИКОНА ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ ПРЕПОДОБНОГО АНДРЕЯ РУБЛЕВА



Гавриил Бунге
Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64576102
Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева: Издательский дом «Познание»; М.; 2020
ISBN 978-5-906960-71-9

Аннотация

Настоящая книга посвящена истории и богословию иконы «Троица» преподобного Андрея Рублева. Иконография иконы рассматривается в широком контексте памятников древнего христианского искусства, а богословие образа, его вневременное благовестие, раскрывается с помощью литургических и святоотеческих творений.

Автор исследования схиархимандрит Гавриил (Бунге) — настоятель Крестовоздвиженского монастыря в городе Лугано (Швейцария), известный православный богослов.

Издание иллюстрировано и адресовано широкому кругу читателей.

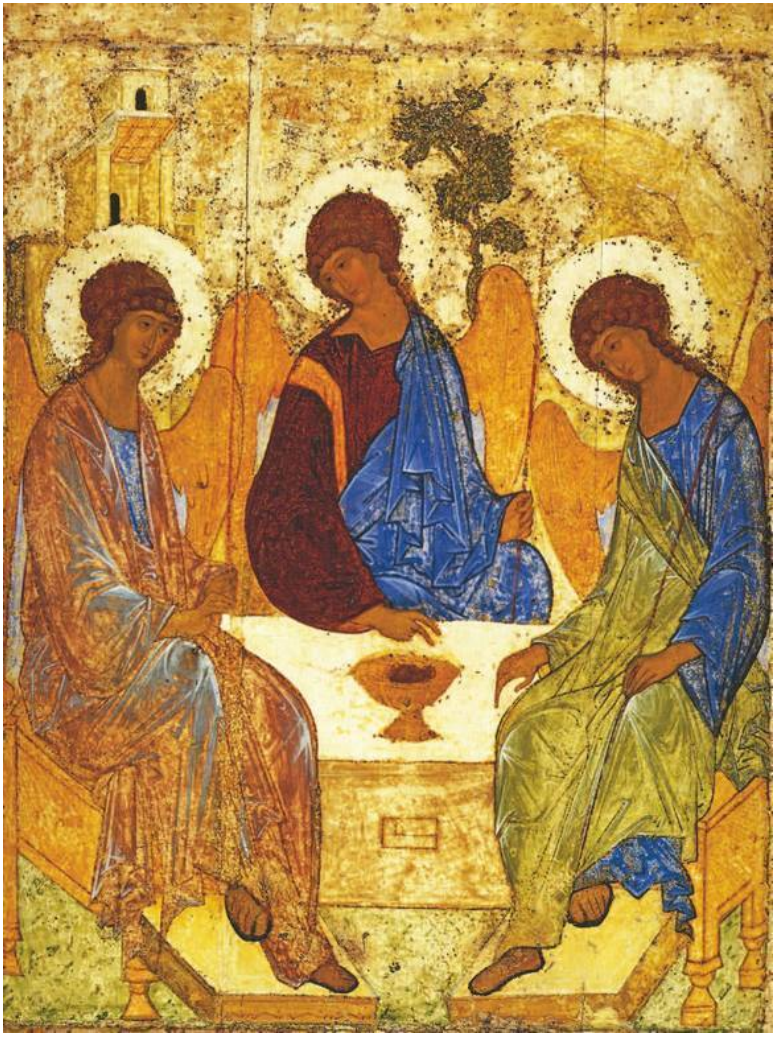
В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступительное слово 7
Предисловие ко второму русскому изданию 10
Предисловие к немецкому изданию 15
Введение 19
Другой утешитель. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева 24
Глава I. Первообраз и образ 24
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Схиархимандрит Гавриил (Бунге)
Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева

© Гавриил (Бунге), схиархим., 2020
© Репко А.С., Фадеев В.А., перевод, 2020
© Издательский дом «Познание» (АНО «Центр – Познание»), оформление, 2020



«Есть “Троица” Рублева, следовательно, есть Бог»
(Священник Павел Флоренский)

Вступительное слово

Книга схиархимандрита Гавриила (Бунге) посвящена иконе «Троица» – прославленному творению преподобного Андрея Рублева и, может быть, самой известной православной иконе из всех когда-либо написанных. Предлагая всесторонний экскурс в историю иконографии, анализируя то, как ветхозаветный сюжет о гостеприимстве Авраама осмыслялся в христианской традиции, автор выходит за границы обычных интересов искусствоведов и историков. Цель книги – не просто рассказать об исторических и богословских аспектах создания образа, но призвать читателя к молитвенному деланию, обращая его внешний и внутренний взор к иконе, зримо выражающей христианское учение о Святой Троице. Это учение является краеугольным камнем православного богословия, неотъемлемой составной частью церковного Предания. Учение о Троице нашло отражение в Символах веры, богословских трактатах отцов Церкви, богослужебных текстах, христианской поэзии и искусстве.

В своей «Троице» преподобный Андрей Рублев стремится подчеркнуть равенство между тремя Ипостасями. По всей видимости, икона не изображает Лица Святой Троицы: Рублевская «Троица» – это символическое изображение троичности Божества. Ведь и посещение Авраама тремя Ангелами не было явлением Пресвятой Троицы, но лишь проро-

ческим видением этой тайны. В соответствии с этим и в иконе Рублева перед нами предстают не Отец, Сын и Святой Дух, а три Ангела, символизирующие Предвечный Совет трех Лиц Святой Троицы. Символизм рублевской иконы в чем-то сродни символизму раннехристианской живописи, скрывавшей глубокие догматические истины под простыми, но духовно значимыми символами.

Символизм иконы и ее духовное значение связаны с теми идеями, на которых строил монашеское общежитие преподобный Сергий Радонежский. Он посвятил свою обитель Святой Троице, видя в любви между Ипостасями Троицы абсолютный духовно-нравственный ориентир для монашеской общины. Икона Троицы была заказана Рублеву учеником Сергия, преподобным Никоном Радонежским. Образ в похвалу Сергия Радонежского должен был носить подчеркнуто умозрительный, богословский характер. В то же время «Троица» Рублева, как и ее прототип «Гостеприимство Авраама», – это евхаристический образ, символизирующий бескровную жертву. Этот смысл иконы подчеркивался ее размещением в нижнем ряду иконостаса Троицкого собора, возле царских врат.

Книга «Другой Утешитель» была написана еще в те годы, когда отец Гавриил был католическим священником и монахом. На протяжении многих лет он вел жизнь отшельника и изучал древнюю традицию восточного христианства. Исследуя тексты греческих и сирийских отцов, он ставил сво-

ей целью не теоретический анализ их творений, но деятельное применение аскетических правил в собственной монашеской жизни. Отец Гавриил всегда видел в восточном христианстве подлинную жизнь и двигался к ней, приняв в 2010 году православие со словами: «Я хочу умереть в общении с Истиной».

Книга схиархимандрита Гавриила была переведена на основные европейские языки и получила известность на Западе, свидетельствуя о духовных сокровищах православного Предания. Теперь, благодаря новому переводу и настоящему изданию, книга становится доступной и русскому читателю.

Митрополит Волоколамский Иларион

Предисловие ко второму русскому изданию

В 2003 году, когда вышло первое русское издание настоящей книги, автор все еще был бенедиктинским монахом, который с любовью относился к Древней Церкви и православию. В 2010 году он стал православным монахом Русской Православной Церкви. Его духовное общение с преподобным Андреем Рублевым сделалось также общением и евхаристическим. То, что прежде он созерцал лишь «извне», ныне он созерцает «изнутри». Разница весьма существенная, ибо она имеет не столько внешний, сколько внутренний характер.

Быть может, с учетом новых обстоятельств, книгу надо было переписать? Сам автор так не думает. Ведь мы не в силах изменить историю, и, следовательно, любые попытки сделать это были бы тщетными. Сказанное относится и к еще одной книге, вышедшей из-под пера автора, – «Скудельные сосуды». Что же касается «Другого Утешителя», переведенного на несколько языков, в том числе и на русский, то для автора эта книга – как бы она ни воспринималась читателями на Востоке и на Западе – сохраняет свою относительную ценность, поскольку знаменует собой важную веху на его собственном духовном пути к «изначальной Церкви».

Между тем после выхода в свет первого русского издания настоящего труда было опубликовано множество новых исследований, посвященных шедевру русской иконописи. Кроме того, проводились всевозможные экспозиции, на которых выставлялись разные иконы Святой Троицы, что благодаря более широкому контексту позволяло еще глубже понять и оценить уникальное творение Андрея Рублева. Всем этим автор не преминул воспользоваться, чтобы пополнить свою собственную коллекцию иконографических изображений. Второе русское издание, в котором представлен совершенно новый перевод с немецкого оригинала, было, таким образом, дополнено иллюстрацией одной из икон, о которых в момент написания настоящего труда автор еще не знал. Ввиду того, что задний план оригинала Рублевской «Троицы» сохранился очень плохо, автор долго мучился вопросом о том, какую форму могла иметь «скала», располагающаяся за спиной правого Ангела. Поскольку «дом», «дерево» и «скала», отсылающие нас к библейскому рассказу, прославленный в лике святых иконописец преобразил в символы, важно было определить, как они выглядели изначально.

Ранние, намеренно выверенные списки с оригинала подтверждают интуитивное предположение автора о том, что «скала», скорее всего, была изначально изображена с расселиной, отверзающей вход в пещеру. К таким спискам относится, в частности, замечательная икона начала XVI в., иллюстрацию которой мы посчитали уместным включить в на-

стоящую книгу (См. Ил. 23 на с. 163).

«Дом» и «дерево» на заднем плане не сохранились, а вот «скала», форма которой идентична форме скалы, изображенной на оригинале, сохранилась прекрасно. В скале большая расселина – именно так, должно быть, выглядел и оригинал, ибо маловероятно, чтобы переписчик, который вряд ли понимал символический смысл этой детали, добавил ее сам, по собственной инициативе. Нельзя не отметить, что на большинстве списков, в том числе и более древних, данная деталь опущена.

Как мы и предполагали ранее, «скала» с характерной расселиной, вероятнее всего, символизирует пещеру Махпела, которую Авраам купил у сынов Хетовых для погребения своей жены Сарры (см. Быт. 23). Теперь символизм становится понятным: пещера Махпела – гробница – Воскресение – Святой Дух. В виду этого мы решили полностью переписать соответствующее место главы IX.

Лишь немногие списки – как древние, так и современные – сохранили в себе тот замысел, который был изначально заложен в «Троице» преподобного Андрея Рублева. На большинстве списков вновь появляются элементы, присутствовавшие на иконах предшественников Рублева и придававшие изображениям скорее нарративный характер, – то есть как раз те элементы, которые Рублев устранил, чтобы свести изображаемое к самому существенному. Но не станем несправедливо укорять иконописцев за это «возвращение

вспять»; как бы то ни было, их творения не утратили своей ценности. Нельзя все же не отметить, что шедевр преподобного Андрея Рублева остается самым «богословским» (тринитарным) из всех когда-либо созданных иконописных творений. Вся духовная глубина этой иконы откроется, однако, только тому, кто созерцает ее в молитве очищенными очами души.

* * *

В заключение позволю себе поделиться рассказом, связанным с моим личным опытом. Однажды я присутствовал на Божественной литургии в церкви св. Николая при Третьяковской галерее. Там я впервые увидел икону Владимирской Божией Матери в естественном для нее пространстве, а именно в храме, в котором совершалось богослужение. Я не раз видел ее и прежде, но только в выставочном зале. Теперь же ей могли поклониться верующие.

Я был растроган до слез, ибо впервые эта уникальная икона предстала предо мною живой; в галерее она находилась как бы в состоянии комы, была ни живой ни мертвой. Конечно, и в советское время, посещая зал, в котором она была выставлена, верующие вели себя так, как если бы они оказались в храме, то есть пребывали в молчании с чувством религиозного благоговения.

Но в церкви св. Николая Та, Которая сопровождала рус-

ский народ в самые трагические моменты его истории, вновь взирала на Своих чад взглядом, исполненным нежности и прощения. Дай Бог, чтобы и оригинал иконы Святой Троицы вернулся когда-нибудь в храм и занял в нем то место, которое было предназначено ему изначально. Ибо в галерее этот образ, покрытый толстым стеклом, ни жив ни мертв, но как бы пребывает в коме. Русь же, Святая Русь, нуждается в образах живых!

Схиархимандрит Гавриил (Бунге)
Крестовоздвиженская пустынь, ноябрь 2018 г.

Предисловие к немецкому изданию

Для меня, русского человека, недостойного наследника традиции Русского Православия, эта книга Гавриила Бунге, пополнившая собой многочисленный список ученых трудов, трактатов, статей, глубокомысленных изысканий и фантастических мечтаний о самой знаменитой русской иконе, об иконе Святой Троицы Андрея Рублева, стала настоящим праздником души. Наконец-то, наконец появилось то, чего так давно ждали, в чем так давно нуждались особенно мы, русские! Наконец-то появилось сочинение, в котором дается богословское истолкование прославленной иконы, – истолкование обстоятельное и взвешенное, вдохновенное и в высшей степени трезвенное, а потому и *православное* в истинном смысле этого слова.

Similia similibus cognoscuntur – «подобное познается только подобным». Сам ритм повествования источает дух православной исихии (ἡσυχία), родственный духу бенедиктинского pax[1]. Этот ритм нельзя назвать ни быстрым, ни медленным, он абсолютно спокойный и мирный, – это ритм сосредоточенного созерцания, так называемого *умного делания*. В сравнении с ним академический стиль научного трактата кажется торопливым, излишне поспешным. Здесь же мно-

[1] Мир (лат.). – *Прим. пер.*

гочисленные цитаты из Библии и литургических текстов не просто указываются, но приводятся в полном объеме, помещаются в сам акт созерцания, чтобы быть доступными читателю в любой момент. Не они ли, эти цитаты, задают такой ритм, – ритм православного богослужения? Мне думается, что именно они.

Повторюсь: подобное познается подобным. Путь познания прокладывается не через наивно понимаемую созерцательность и утешающую назидательность, а через проникновение в саму суть предмета, через истолкование его духовного содержания, что автор благодаря своей личной духовности с блеском и осуществляет, придерживаясь при этом истинно научной корректности, точности и доказательности. Ведь богословие – это либо точная наука, либо ничто. Кстати, хотелось бы с особым чувством удовлетворения подчеркнуть, что и с чисто научной точки зрения методологический подход Гавриила (Бунге) вполне укладывается в рамки реалий времени, о котором он пишет: так, к примеру, сколь бы привлекательными, вдохновляющими и глубокомысленными ни были святоотеческие тексты, автор почти не ссылается на них, учитывая тот факт, что русский иконописец, живший в начале XV века, вряд ли мог быть знаком с ними.

Вместе с тем он столь же реалистически сознает и необходимость в точном и связном богословском истолковании иконы Андрея Рублева, ведь именно русское иконописное искусство, гораздо более строгое, чем романское и готиче-

ское сакральное искусство на Западе, воспринимало само себя, да и всей православной традицией воспринималось как богословски ответственное и осознающее эту свою ответственность исповедание веры. С монашествующими художниками (как и со всей монашеской братией) православное вероучение говорило языком богослужений суточного круга и литургии, языком канонических песнопений, гимнов и евангельских чтений. И этому особенному языку подход Гавриила (Бунге) соответствует в полной мере.

Что же еще стоит сказать? Быть может, выразить сожаление по поводу того, что с русской стороны, несмотря на множество искусствоведческих, религиоведческих, да и собственно богословских попыток, ничего равноценного свершено не было? Или, напротив, искренне, от чистого сердца порадоваться тому, что икона, которая для всякого верующего русского человека являет собой святыню, знамение и символ Святой Руси, так глубоко понята, так прекрасно истолкована западноевропейским монахом-бенедиктинцем? Пожалуй, последнее.

А теперь я простодушно прошу простить меня за чересчур личное признание: когда судьба даровала мне возможность лично встретиться с Гавриилом Бунге, которого я прежде знал только по его книгам, я с восхищением внимал его словам, которые свидетельствовали не только об истинной, неподдельной любви к православной традиции, но и о поразительно верном понимании своеобычности русского

Православия и того состояния, в котором оно ныне пребывает, – казалось, он смотрит на него изнутри.

В действительности же этот понимающий взгляд, если придерживаться формальной точности, приходит все-таки «извне» и благодаря самой своей направленности преодолевает всякие национальные, культурные и конфессиональные различия. Именно поэтому и книга эта есть нечто гораздо большее, чем просто выдающийся научный подвиг или драгоценное духовное наставление. И я беру на себя смелость утверждать, что в ней говорится не только об иконе Святой Троицы Андрея Рублева, но и, *ad intentionem*, о зримо выраженном в ней молитвенном умысле двух святых мужей, Сергия Радонежского и Андрея Рублева. Молитвенный же их умысел – это всеобщее воссоединение (что в церковнославянском тексте литургической молитвы обозначается как «*соединение всех*») – под сенью «нераздельной Троицы». И я надеюсь, что книга, как и икона, о которой она повествует, обернется победой над «ненавистной враждой мира сего», утешит тех, для кого всеобщее воссоединение является сокровеннейшим делом, послужит неугасимой лампадой, освещающей путь к цели, которую в молитве, именуемой Первосвященнической, определяет Сам Иисус Христос:

Ut omnes unum sint! Да будут все едино (Ин. 17:21)!

Сергей Аверинцев
Москва, в праздник святого Василия Кесарийского, 1993 г.

Введение

Икона Святой Троицы, написанная преподобным Андреем Рублевым, во все времена вызывала огромнейший интерес. Летописные тексты повествуют об обстоятельствах ее возникновения, один из Церковных Соборов включает ее в число канонических образцов, современные авторы посвящают ей свои богословские, исторические и искусствоведческие исследования, количество которых постоянно множится. Само изучение этой сопроводительной литературы стало уже отдельной отраслью науки[2]. Нет, пожалуй, на свете другой иконы, о которой было бы так много написано.

Желающий составить себе представление об этом живом научном интересе к «Троице» Рублева будет удивлен многообразием попыток истолковать ее в рамках едва ли не каждой области знания, начиная от богословия и заканчивая социологией. Это выдающееся творение, по праву считающееся шедевром и с художественной точки зрения, приводит в благоговейный трепет не только верующих, для которых, собственно, оно в первую очередь и создавалось, но даже тех,

---

[2] См. избранную библиографию в конце настоящей книги. Развернутую библиографию можно найти в книгах: Mainka R.M. Zur Personendeutung auf Rublev's Dreifältigkeitsikone // Ostkirchliche Studien. II (1962); S. 3–13; Müller I. Die Dreifältigkeitsikone des Andrej Rubljow. München, 1990; «Троица» Андрея Рублева. Антология // Сост. Г.И. Вздорнов. М., 1989.

кто далек от религии.

Это обескураживающее многообразие интерпретаций, подчас абсолютно противоположных друг другу, объясняется разными причинами, как внутренними, так и внешними. Если отбросить толкования, имеющие чисто субъективный характер или же преследующие цели, совершенно чуждые внутреннему содержанию иконы, то выяснится следующее: вся эта неопределенность обусловлена, с одной стороны, тем, что икона Рублева – творение поистине самобытное, а с другой – тем, что она венчает собой более чем тысячелетнюю историю иконографии. Как здесь отыскать верную точку опоры? Ведь если не учитывать историю формирования иконографической традиции, являющуюся, в свою очередь, лишь зримым отражением еще более продолжительной истории, связанной с истолкованием соответствующего отрывка из Книги Бытия (Быт. 18: 1–16), вряд ли можно по достоинству оценить значение иконы и разглядеть в ней те особенности, которые отличают ее от предшествующих ей образцов. «Троица» Рублева одновременно и предельно традиционна, и в высшем смысле уникальна.

Ибо сколь бы внешне близкими ни казались с первого взгляда многочисленные иконы, изображающие «Гостеприимство Авраама», единого образца, посвященного этому сюжету, не существует. Каждый из основных сформировавших иконографическую традицию типов несет свой, только ему присущий «смысл». Кроме того, отдельным мастерам как до

Рублева, так и после, вплоть до наших дней, порой удавалось, каждому в меру его дарования, придавать своим творениям особое звучание. Именно на выявлении уникальности творения Рублева мы и сосредоточим наши усилия в настоящей книге.

Мы сознательно отказались от критического анализа обширной побочной литературы, тем паче что большая ее часть издана в России и западному читателю либо малодоступна, либо недоступна вообще[3]. Свою задачу мы видим не в приумножении знаний об иконе Рублева, а прежде всего в том, чтобы помочь тем, кто молится перед ней сегодня, открыть для себя ее вневременное благовестие. То есть подвигнуть их к тому молитвенному деланию, которое совершал перед иконой Святой Троицы Сергий Радонежский, как о том свидетельствует автор его «Жития». Речь идет об исполненной Духа молитве, об осмысленном поклонении неисчерпаемой тайне Пресвятой Троицы. Ведь, по словам самого Рублева, всякое созерцание иконы должно вести нас от изображения к тому, что изображено.

Огромный временной отрезок длиною свыше пяти столе-

---

[3] Выражаю благодарность Майнке – за материалы со святоотеческими толкованиями 18-й главы Книги Бытия; Мюллеру – за все, что касается критического анализа древних церковнославянских источников; Вздорнову, подкрепляющему свою антологию современных русских толкований иконы обширным изобразительным отделом. Девятнадцать цветных репродукций «Троицы» Рублева, помещенных в начале его труда, послужили мне важным подспорьем в работе над настоящей книгой.

тий, отделяющий нас от Рублева, иная религиозная среда, в которой он жил, тысячелетняя иконографическая традиция Восточной церкви, к которой он принадлежал, восходящее к апостольским временам богословское истолкование эпизода из Книги Бытия, – все это понуждает нас тщательно изучить обстоятельства, предопределившие возникновение «Троицы» Рублева.

В дальнейшем для более глубокого погружения в богословские и духовные истоки мы окунемся в драгоценный молитвенный кладезь православных литургических текстов. Ибо, с одной стороны, икона по своей природе относится к пространству литургии, с другой – литургические стихи, опоэтизированное богословие, составляют ту часть словесного Предания, которая наряду со Священным Писанием была наиболее доступной необразованным христианам, к каковым, без сомнения, относился и Андрей Рублев. И хотя Рублев, скорее всего, никогда не читал произведений великих отцов Восточной Церкви, на богослужениях суточного круга он во всякое время мог пользоваться плодами вековых богословских размышлений в форме гимнов.

В образе и гимне – этих двух взаимодополняющих формах выражения, которые явственно раскрывают засвидетельствованные Писанием спасительные дела Божии, – мы находим ключ к пониманию иконы Святой Троицы. Ее глубинное содержание откроется нам лишь тогда, когда мы освоим, в частности, и то духовное пространство, в котором

она создавалась. Ибо эта икона, как, пожалуй, никакая другая, связана с конкретным историческим лицом и плодом его трудов – с преподобным Сергием Радонежским и основанным им Свято-Троицким монастырем.

Другой утешитель. Икона Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева

Достойным чадам преподобного Сергия Радонежского с любовью посвящается

Глава I. Первообраз и образ

«Бог есть дух», – говорит Христос (Ин. 4:24); Он есть абсолютное Бытие, не связанное ни со временем, ни с пространством. И потому «истинные поклонники Отца» не поклоняются Ему ни на горе Гаризим, ни в Иерусалиме, но поклоняются Ему «в духе и истине». Вот почему любая попытка изобразить Бога, «описать» Его, изначально лишена всякого смысла, ибо как можно изобразить то, что пророки метко обозначают как «ничто». Материальных «образов» невидимого, нематериального и бестелесного Божества нет и быть не может. Следовательно, ветхозаветный запрет на изображение Бога и для Церкви остается обязательной действующей заповедью.

Бог Откровения, которое есть не что иное, как Самооткровение, – это отнюдь не некий абстрактный и безликий

«принцип». Более того, Сказавший о Самом Себе «Я есмь Сущий» (Исх. 3:14) являет Собой личное Бытие в высшем, абсолютном смысле.

Поэтому Писание говорит, причем не в одном только метафорическом смысле, о «лице Божием» и даже об «образе Божием». Этот «образ Божий» не существует вне Бога и не может быть кем-то создан. Бог таинственным образом несет Свой собственный «образ» в Самом Себе, почему отцы и отождествляли «образ» и «лик». Этот живой «образ Бога» (2 Кор. 4:4) есть «Единородный Сын, сущий в недре Отчем» (Ин. 1:18).

Единородный Сын – Слово, которое «стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:14).

Таким образом, Отец, Которого «не видел никто никогда» (Ин. 1:18), как бы представлен в Своем Сыне «лицом», посредством которого Он обращается к миру, открывает Себя. Он совершает это от начала творения, но благодаря воплощению Единородного Сына это «лицо» становится «видимым» для нас. Поэтому Сын и говорит: «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:9).

Следовательно, Сын, «сияние славы и образ ипостаси» Отца (Евр. 1:3), Единородный Сын, Который «явил» Отца (см. Ин. 1:18), только Он как Личность и есть единственно истинный «образ Бога невидимого» (Кол. 1:15), то «лице» Божие, «свет» которого спасает человека (см. Пс. 79:4 и да-

лее).

* * *

Человек обладает способностью созерцать «образ Бога невидимого», поскольку сам он *соделан* «образом вечного бытия» Божия (Прем. 2:23). Ведь, согласно очень тонкому и глубокому определению святых отцов, человек или, точнее, его нематериальный, бестелесный и не имеющий формы дух сотворен «по образу Божию» (Быт. 1:27), и, следовательно, сотворен в определенном смысле как живой «образ образа» (Ориген), то есть по образу Сына, являющегося Первообразом. Поскольку же Сын един с Отцом в Духе, этот сотворенный «образ образа» отражает триединое бытие нетварного Божества.

Егда в начале Адама создал еси, Господи,
тогда Слову Твоему ипостасному
возопил еси, Благоутробне:
сотворил по нашему подобию,
Дух же Святый соприсутствоваше Содетель.
Тем же возопием Ти:
Творче Боже наш, слава Тебе[4]*!*
Да преизлишнее Твоея благости покажеши,
создала еси человека, Троице безмерносильная:

---

[4] Октоих, в неделю утра на полунощнице, канон Троичный, творение Митрофаново. Глас 2-й, седален третьей песни.

токмо образ бренный
Твоего начальнаго Содетелю, господства[5].

* * *

Сущность этой сотворенной «богоподобности» отцы видели не в чем-то статическом, а в живой *связи* между Богом и человеком, выраженной в *обращенности* сотворенного духа к Творцу, в способности образа *воспринимать* свой божественный Первообраз и открываться Ему.

Иже за благость создавый человека,
и по образу Твоему сотворь,
во мне обитай, присветие Боже мой,
яко благ и благоутробен[6].

Да человеком единственное,
Трисиятельное Твое явиши Божество,
создавый прежде человека,
по Твоему образу вообразил еси,
ум ему, и слово и дух дав,
яко Человеколюбец[7].

---

[5] Октоих, в неделю утра на полунощнице, канон Пречистей и Живоначальней Троице, творение Митрофаново. Глас 7-й, второй тропарь первой песни.

[6] Октоих, в неделю утра на полуношнице, канон Пречистей и Живоначальней Троице, творение Митрофаново. Глас 5-й, первый тропарь пятой песни.

[7] Октоих, в неделю утра на полунощнице, канон ко Святей и Живоначальней

Яко создал еси мя
по образу Твоему и подобию,
Богоначальная и вседетельная Троице,
неслиянная единице,
вразуми, просвети,
во еже творити волю Твою святую,
благую в крепости, и совершенную[8].

* * *

Поэтому *созерцание* Бога есть личное, непосредственное *познание* тварью Творца «лицем к лицу» (1 Кор. 13:12), есть выражение глубочайшего, исполненного любви *единения* – такого, какое существует между Отцом и Сыном (см. Ин. 17:3). Между тем это непосредственное созерцание, как бы, выражаясь словами псалмопевца, ни стремился к нему человек, пока что совершенно невозможно для нас. Пока что человек видит и познает как бы «сквозь тусклое зеркало, гадательно», но когда-нибудь, как пророчествовал святой Павел, познает, «подобно, как я познан» (1 Кор. 13:12).

Эта связь между Первообразом и Его образом становится сверхчувственной реальностью, благодатным предвкушени-

---

Троице, творение Митрофаново. Глас 1-й, второй тропарь первой песни.

[8] Октоих, неделя утра на полунощнице, канон ко Святей и Живоначальней Троице, творение Митрофаново. Глас 1-й, «слава» четвертой песни.

ем грядущей славы уже здесь, на земле, в той превосходящей любые образные и понятийные представления возвышенной «беседе» (ὁμιλία) духа с Богом, которая учителями духовной жизни именуется «молитвой». Свою полноту и свое завершение она обретет потом, в том неизреченном единении с Богом, «образ» (τύπος) которого являет нетварное, триединое бытие Самой Пресвятой Троицы. (см. Ин. 17:21).

Когда Сын, Первообраз, откроется, «как Он есть» (см. 1 Ин. 3:2), тогда и «образ» (εἰκών) обретет Его «подобие» (ὁμοίωσις), которое, согласно учению святых отцов, хотя и было предуготовлено нашему духу изначально, при его сотворении (Быт. 1:26), но не было, как следует из Быт. 1:27, дано ему сразу.

Человек, в сущности, был сотворен для становления, для совершения перехода от образа к подобию. Когда же он попытался совершить этот переход самовольно, чтобы стать «яко бози», произошло его падение (Быт. 3:5). Но «совет же Господень вовек пребывает, помышления сердца Его – в род и род» (Пс. 32:11), и торными путями домостроительства спасения Бог как Искупитель и Вершитель всего Сам доводит Свой изначальный замысел до завершения, ибо «кого Он предузнал, тем и предопределил быть» в конце «подобными образу Сына Своего» (Рим. 8:29).

Обожите хотя древле истлевшаго человека,
за благость Дево создавый,

и показавый образа Божественный зрак,
человек бысть из Тебе,
едино тричисленное Богоначалие проповеда[9].

Да иже создавый Адама,
возсозиждет паки, Всечистая,
из Тебе яве вочеловечися,
человека обожив сице вопиющая:
благословен, Пречистая, Плод Твоего чрева[10].

* * *

Как мы видели, воплощение Сына влечет за собой радикально иную постановку вопроса об «образе Бога». Ведь если истинно то, что «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1:18), ибо Он «обитает в неприступном свете» и Его «никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16), то столь же истинно и то, что созерцавшие славу Единородного «познают» в Нем и через Него Отца.

Поэтому святые отцы были единодушны в том, что только воплощение Бога-Логоса, только Его явление в мире образов и форм, создало предпосылку для возникновения «ико-

---

[9] Октоих, неделя утра на полунощнице, канон Троичен, творение Митрофаново. Глас 4-й, Богородичен пятой песни.

[10] Октоих, в неделю утра на полунощнице, канон Пречистей и Живоначальней Троице, творение Митрофаново. Глас 7-й, Богородичен седьмой песни.

ны» как «образа» Божия и одновременно установило границы того, что допустимо изображать.

Естеством неописанный Божественным Твоим сый,
на последнего Владыко воплощься,
изволил еси описоватися:
плоти бо приятием.
и свойства вся сея взял еси.
Тем же вид Твой образования описующии,
любезно целуем, к Твоей любви возвышаеми,
и исцелений благодать почерпаем из него.
апостольским последующе божественным преданием[11].

Плоти изображение Твое возставляюще Господи,
любезно лобызаем, великое таинство
смотрения Твоего изъясняюще:
не мнением бо,
якоже глаголют богоборнии дети манентовы,
нам явился еси, Человеколюбче.
но истиною и естеством плоти,
Тобою возводими
к Твоей любви и желанию[12].

Безначальным, и Божественным естеством невидимый,
человек виден бысть Откровение,

---

[11] Триодь Постная, Неделя первая святого Поста. Глас 6-й, стихиры на Господи воззвах.

[12] Триодь Постная, Неделя первая святого Поста. Глас 4-й, стихиры на хвалитех.

от чистых Твоих кровей,
за крайнее благоутробие:
Его же плоти написавше подобие,
честно поклоняемся вси верни.
и благочестно величаем[13].

Икона – это «образ» Того Единственного, Который один *пребывает* в истине и воистину *явил* нам *Себя* во плоти, ибо «Бог яве приидет» (Пс. 49:2). Изображения идолов, напротив, были всего лишь ничтожными поделками человеческого тщеславия, да и сами боги язычников – это пустопорожнее «ничто», не имеющее никакого бытия.

Во образе зряще Распятие
и почитающе, возлюбим Христа
и облобызаем Его знаменования.
И поклонимся им,
не яко богам честь воздающе[14].

Чего ради, трижды злополучный, возненавидел ты
Образ невскверный Христова Воплощения,
И всех святых Его?
Не бо безчувственным образом идольским

---

[13] Триодь Постная, Неделя первая святого Поста, на малой вечерне, Богородичен.

[14] Канон преподобного Феодора Студита на утрене Недели Православия (не печатается в современных изданиях Постной Триоди), песнь пятая. Перевод Сергея Аверинцева.

поклоняемся мы, верные[15].

Поклоняясь иконе, человек не подчиняет Божество своим суетным представлениям и тленным желаниям, как он это делает, когда поклоняется идолам; напротив, – он со смирением и благоговением принимает непреложный и чудесный факт: единый и истинный Бог по милости Своей явил Себя его верующему взору, а посему только одному ЕМУ и надлежит оказывать всяческое поклонение!

К первообразному носится, глаголет Василий,

[15] Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.